

УПРАТА

Ушел последний классик

ФОТО ЭДГАРА БРОКЕНКОТАСС

Окончание. Начало на стр. 1

Или даже и не так, а наоборот, понимаешь, что литература и есть единственно подлинная жизнь, свидетельство того, чем мы были, отчего страдали, во что верили и что будем нашим ответом перед Богом.

Когда Валентин Григорьевич уже болел, я все перечитывал его последнюю мучительную повесть «Дочь Ивана, мать Ивана», после которой писатель уже не брал пера для больших книг, потому что это и прочитать без боли нельзя, а уж написать никакого сердца не хватит. И думал, думал, куда же, если выберется из

болезни, после этого страшного опыта будет выходить писатель и куда следом за ним будем править мы. Да и как я сам, если еще придется писать о нем, буду поворачивать к возрождению, куда мы обычно поворачиваем из всех наших драматических контекстов, потому что выучились этому всем ходом нашей литературы. А вот подошел край и тут уже ясно, что одними словами о возрождении не спасешься. Подлинно – край!

Ведь как-то по всему ходу повести видно, что она была не очередной, а подлинно последней в неукоснительном ряду, будто год за годом всё к ней

шло. Сыпалось, сыпалось и вот чем кончилось. Всё под горку, под горку, до самого дна. Помните, как Дарья-то в «Прощании с Матерой» говорила о горящей своей избе, о деревне, о жизни, – «пое-е-хала». И вот «доехала». А мы и возмутиться, и спросить с кого-то не имеем права. Потому что не вдруг ведь все случилось, а в том числе и при нашем попустительстве вон сколько «ехало».

А художник никогда не молчал. Он все годы стоял, как любимый нами в 60-е годы мальчик Холден Колфилд из повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (всегда мы чужих детей слышали лучше, чем своих), над этой самой пропастью и удерживал нас над нею, ловил, остерегал, кричал. Все перепробовал, но мы всё летели на беспамятство, как на огонь. Он, кажется, один был так неукоснительно последователен среди товарищей, которые могли и на другие сюжеты отвлечься, и в историю сходить». А он держал святую плоть уходящей деревенской жизни, потому что знал – в ней весь наш дух, наша память, наша вера и наше спасение.

Валентин Распутин поставил памятник русской деревне, утонувшей на наших глазах невозвратно, как Атлантида или Китеж

Ему давали Государственные премии, делали Героем Труда, а он будто не видел ни чести, ни славы, потому что пропашть не отодвигалась и, значит, как порой в отчаянии казалось, голос его не был слышен. И высокие комитеты, депутатство, Президентский совет нужны были всё для

того же крестьянства-христианства, для удержания памяти, для спасения перед исторической бездной, чтобы не надо было русским старухам со своей землей и любовью оставаться на дне рухнувших морей, а русским женщинам брать в руки обреза и принимать на себя функции государства. Раз оно само не хочет выполнять то, что обязано.

Все, кто читал его год за годом (а хочется, чтобы все), видели, что он всегда, с самого начала, с «Василия и Василисы», с «Денег для Марии», слушал болезненное русское сердце, ища ему исцеления. Он всегда был неудобен и всегда (как Церковь в ее высоком и правильном понимании) «мешал нам жить» в наших слабостях и меньше всего обманывал себя и других «возрождением», потому что всегда имел слишком острое зрение.

Он умирал вместе с Анной («Последний срок»), уходил под воду с Дарьей («Прощание с Матерой»), погибал с Настенкой («Живи и помни»), брал обреза с Тамарой Ивановой («Дочь Ивана, мать Ивана»). Он знал мужество скорби и одиночество смерти и всегда был тем, что не-

возвратно, и еще обманывали себя заплатками, а он уже знал и строил ковчег, чтобы если не «всякой твари по паре» (не оставалось уже никаких пар), то хоть последние народные духовные ценности уберечь. И последний раз напомнить, как мы были близки к тому, чтобы мир услышал тайну и силу русской правды, о которой он догадывался по книгам Толстого и Достоевского, Шмелева и Бунина, Распутина и Астафьева. Диалога с которой искал, но которую руками своих политиков с нашими подпевалами сам и топил, не понимая, что топил и свой дух, и свое спасение.

Оглядываясь сейчас напоследок на его творчество, на его святых героинь, я вижу, что, стоя в сердце жизни, он простился не с веком даже, а с тысячелетием, до ниточки высмотрев то святое, высшее, крепительное, чем жила родная Россия, которая никогда не была для него отвлеченностью. В разное время она была для него Анной, Дарьей, Настенкой, Тамарой Ивановой – всегда именем, жизнью, делом и правдой. Всегда любовью и верой.

Теперь история пойдет другой, может быть, более умной, цивилизованной дорогой (нас не зря не просто звали, а тащили на нее силой, лестью, подкупом), и она, коли привьется к своей мысли, культуре, вере и слову, останется русской дорогой. Но это будет другая история и другая Россия. И другая литература. А та, великая, земная, которая еще помнила значение слова «народ» и сама была народом, верой, совестью, ушла с Валентином Григорьевичем. И нам только предстоит осознать это.

Валентин КУРБАТОВ

ГОСТЬ «СВ»

Евгений КНЯЗЕВ:

Уметь думать, выходя на сцену

Широкому зрителю лауреат Госпремии РФ, народный артист России Евгений Князев известен по ролям в кино («Побег», «Путешествие с домашними животными», «Ниоткуда с любовью») и на ТВ («Девять жизней Нестора Махно», «Страсти по Чапаю», «Вангелия», «Сын отца народов», «Дом с лилиями»).

Но в круг артистов, которых мгновенно ассоциируют по одной роли, например Вячеслава Тихонова – по Штирлицу, а Юрия Яковлева – по Ипполиту, Евгений Князев вошел благодаря роли Мессинга в сериале «Вольф Мессинг: Видевший сквозь время».

Среди театральных работ Евгения Князева и классические, и современные персонажи – Григорий Незнамов, Арбенин, Каренин, вампиловский Шаламов, шмидтовский Ларсен. Перевоплощался Князев и в реальных титанов мысли и действий – в Казанову, Фредерика Шопена, графа Григория Орлова, и любая роль актера, а с 2003 года ректора Щукинско-го театрального института, – это практикум для его учеников.

– Евгений Владимирович, недавно знаменитая «Щука» отметила 100-летний юбилей, если бы вас попросили сформулировать, в чем суть вахтанговской школы, что бы вы сказали?

– Мы действительно гордимся тем, что сумели сохранить вахтанговскую школу. А задача была, как у всех, – сохранить традиции. Мы не стараемся учить новаторству, потому что, по выражению Мейерхольда, учить надо традициям. А традиция – это не стилизация, не игра, не желание держаться в ее лоне или лоне того, что подразумевают – рутину чаще всего, настоящая традиция – это всегда дерзость и вызов, и ее нужно уметь защищать. Так что хороший традиционный театр – это всегда вызов всему театральному миру, и человек, который защищает его, должен быть более изобретательным и сильнее, чем тот, который все разрушает. Разрушить легко, создать очень трудно. И моя задача как ректора – конечно, научить молодых людей быть профессиональными артистами, но главное – быть личностями,

уметь думать, выходя на сцену, и стремиться соответствовать цвету нации.

– Есть ли статистика, сколько выпускников Щукинского института работает в разных странах мира?

– Конечно, Щукинское училище оканчивали студенты из западных стран, так, на моем курсе училась девушка из Франции. Но поскольку наш диплом требует подтверждения на Западе, это не является системой, хотя англичане, которые в прошлом году приезжали на «русский семестр», остались довольны. А в СНГ, где бы ни оказались, находим щукинцев. Сейчас на заочный режиссерский факультет приезжает много молодых актеров, желающих стать режиссерами. И по подсчетам, среди выпускников этого факультета последнего десятилетия около 20 главрежей и худруков театров.

– Как вы отнеслись к предложениям директора Тбилисского русского драмтеатра им. А.С. Грибоедова Николая Свентицкого о совместных проектах?

– Нам часто предлагают сотрудничество, и если грибоедовцы пойдут нам навстречу, буду рад. Мы хотим примирения и дружбы между народами. Хотим, чтобы театр стал тем мостком, который предложит путь к миру и общению, и даже если люди хотят жить самостоятельно, пусть живут, но при этом они должны быть вместе. У грузин потрясающий театр, мы можем многому научиться друг у друга.

– Вы сыграли Мессинга – уникальную личность, а сами хотели бы обладать сверхъестественными способностями?

– Нет, я и так могу о людях судить, иногда даже догадываясь, о чем человек думает. Порой сидишь и думаешь – какая тяжелая атмосфера, зачем человек нагнетает ее, а выйти из этого состояния не просто, так что

когда ты все время на людях, существовать нелегко. А Мессинг был очень интересной работой для меня как для актера, но режиссерам я сразу сказал, что ни в какие сверхъестественные способности этого человека не полезу, будем снимать фильм о том, как человеку живется с этим даром.

– Ощущала ли съёмочная группа сериала «Вангелия», где вы сыграли отца Ванги, помощь ясновидящей?

– Трудно сказать, но у нас никто не умер, не сорвался с гор, хотя снимали в настоящей болгарской деревне, неподалеку от местечка, где жила Ванга, и грузы там поднимали только на осликах. Много раз я летал в София, не случалось никаких недоразумений, складывалось вовремя, меня встречали – провозжали, съемки не отменялись. Думаю, это и есть помощь Ванги, если бы она не хотела, чтобы фильм снимали, наверняка что-то сделала. А нам все шло в руки, да и фильм получился, по моему, неплохой.

– В сериале «Орлова и Александров», который демонстрируется на Первом канале, вы сыграли тирана...

– Да, представьте, Сталина. Пробовался на другую роль, но когда мне приклеили усы, гри-

мер позвал режиссера: «Посмотрите, как похож на Сталина». Сделали пробы, и Первый канал утвердил меня на роль Верховного Главнокомандующего. Сценарий довольно тактичный, в нем рассказывается об Орловой и Александрове и об эпохе, в которую они жили. По версии авторов, Сталину нравилась Орлова, и мы пытаемся рассказать об этом. Любовь эта, конечно, была предпологаемой, авторы фильма позволяют себе задаться вопросом, почему Сталин не женился после гибели Надежды Аллилуевой. Конечно, он очень мучился, и в фильме есть слова: «Ты такая же огневая, как она», которые он говорит, вспоминая жену. Мне было любопытно сниматься, хотя мнения, предвзвешу, будут неоднозначными. Мы никого не агитировали, не делали страшилку, просто хотели показать человека, который видит перед собой красивую женщину, и она ему очень нравится.

– Просили ли вы благословение в церкви, когда снимались в роли священника в фильме «Путешествие с домашними животными»?

– Да, просил. Батюшка вначале рассердился: «Ох уж ваша светская жизнь, даже если не

дам благословение, будете снимать. Что там тебе надо делать?» И когда узнал, что проводить отпевание, сказал: «О-о, давай я тебя научу, а то еще будешь неправильно показывать». И он дал мне мастер-класс, как нужно держать кадило, как им махать, как петь и говорить». И я попытался это воплотить.

– Существует ли для вас принципиальная разница в работе над классикой и современным репертуаром?

– Интересно играть хорошую драматургию, неважно – классика это или современность. Но в классических первоисточниках, конечно, заложено все, почему и обращаем студентов в их сторону. Вот «Анну Каренину» я читал, будучи студентом, когда перечитал недавно, как персонаж Анна мне меньше понравилась. Меня потряс Каренин – своим величием, духовностью, порядочностью, чувством чести. Чем он виноват – что немолод, что Анна вышла за него замуж, родила ребенка и он любит ее? Почему она так поступила с ним?!. Сегодня я оправдываю своего героя, так что все меняется, и сколько бы ты ни читал классику, она все равно будет совершенно другой на сегодняшний день. Вот и о «Маскараде» неко-

торые зрители говорят, что «это не Лермонтов», а я хочу спросить – а ты когда последний раз читал Лермонтова? Его не так просто прочитать, и мало кто читал его по-настоящему. А с «Анной Карениной» нас пригласили в Америку, в Линкольн-центр.

«Посвящение Еве» Эрика Шмитта играем с Василием Лановым 16 лет, и эта пьеса – образец современного репертуара. Первым ее сыграл Аллен Делон, следом мы, а сейчас ее играют во всем мире. Обожаю этот спектакль, каждый раз он не похож на предыдущий. И каждый раз я потрясен тем, как Василий Лановый проживает свою роль – необыкновенной величины артист, горжусь, что играю с ним.

– Считаете ли вы кино, как многие, дополнением к основной жизни – театрального актера?

– Нет, это две разные истории: театр – одна жизнь, а кино – совершенно другое существование, и они переплетаются. Фильмовая деятельность – третье существование, и мне так нравится выходить перед залом одному на сцену и заставляя слушать себя. Режиссерство – четвертая деятельность, и я стараюсь с каждой деятельностью относиться честно и ответственно.

– Помогает ли вам то, что вы ректор, в воспитании дочерей?

– Увы, нет, мне трудно соглашаться с тем, что современная молодежь стремится к «легкости бытия», которой на самом деле в жизни нет, и Петр Наумович Фоменко, мой главный педагог в театре, нам всегда говорил: «Никто тебе легкой жизни и не обещал». Надо понимать, что чем раньше человек столкнется с трудностями, тем скорее он повзрослеет, а они не хотят взрослеть. Когда им советуешь, что нужно делать в данный момент, они говорят, что обойдутся и без этого, а ты понимаешь, как же им будет больно расставаться с детством в более взрослом возрасте.

– Появится ли вновь на вахтанговской сцене «Принцесса Турандот»?

– Да. Поставит Римас Туминас.

Беседовала
Татьяна ФЕДОТОВА

ВЕРНИСАЖ

Ангелы весны

Флористы из России, Беларуси и Армении удивили Витебск.

Международная творческая ассоциация фитоколлажистов «Флориссима» второй год подряд встречает весну в столице «Славянского базара». В марте прошлого года Витебск принял выставку «Незнакомка. Капель», нынешний проект называется «Ангел мой...». Экспозиция разместилась в двух залах Художественного музея. Три года назад именно здесь члены ассоциации провели свою первую выставку в Беларуси, тогда же завязалась дружба «Флориссимы» и Народного клуба любителей флористики «Анюта» из Витебска.

До этого в Беларуси мало знали о том, как сильно фитоколлаж отличается от понятия «флористика». Так что совместные выставки и благотворительные мастер-классы – лучшая пропаганда этого нового вида визуального искусства. Как рассказала руководитель «Флориссимы» Инна Макеева, эта экспозиция путешествует по городам Союзного государства почти год:

– Первая выставка «Ангел мой...» прошла в апреле 2014 года в Центральном доме журналиста в Москве, затем последовало несколько выставок из этого цикла в России и Беларуси. Мы думали, что завершим показ Витебском, но мастера настолько вдохновились темой, что работают не покладая рук: выставка «Ангел мой...» пройдет еще раз в Москве.

Флористический коллаж – молодой вид искусства на стыке живописи и флористики. Мастера используют живые цветы, сухоцветы, пух, семена, крупы, глину, лувковую шелуху, искусственные материалы и различные техники. Эти работы трудно описать словами, ни одно фото

до конца не передает их объемность и оригинальность. Ассоциация «Флориссима» объединяет около 100 мастеров из России, Беларуси и Армении. Она проводит свои выставки во многих городах мира. Члены ассоциации проводили мастер-классы в Ереване, Витебске, Лиде, Москве, Бресте.

– Мы дарим людям любовь, – говорит исполнительный директор «Флориссимы» Геннадий Анисимов. – Наши мастер-классы дают возможность общаться творческим людям из разных стран. Большая часть выставок и проведенных, и запланированных на этот год, приходится на Беларусь, в которой у нас уже много друзей.

В этом году членом «Флориссимы» стала Ольга Воробчук. Она ведет кружок флористики во Дворце культуры городского поселка Руба, мастер-классы членов «Флориссимы» стали для нее большим шагом вперед:

– Я много узнала о новых направлениях и техниках коллажа. Можно, конечно, все это найти в Интернете, но когда приходишь профи и все объясняют, всему научишь – оказалось, совсем другое дело. В феврале у нас был мастер-класс в Бресте, это была незабываемая поездка.

Выставка в Витебске будет работать до 27 марта. В последний день работы экспозиции «Ангел мой...» пройдет мастер-класс по технике флористического отпечатка – ее можно использовать в интерьере.

В планах «Флориссимы» в этом году – выставки в Париже, Южно-Сахалинске, Саппоро, Ереване, Минске, Падуде.

Ольга КРУЧЕНКОВА
Фото автора